

ТРИПОЛИЙСКОЕ ГНЕЗДО

ПРАВОСЛАВНАЯ ОБЩИНА Г. ТРИПОЛИ В КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АНТИОХИЙСКОГО ПАТРИАРХАТА XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

К. А. ПАНЧЕНКО

Статья посвящена реконструкции внутренней истории православного Антиохийского патриархата XVI в., определявшейся соперничеством христианских региональных элит. Наряду с крупнейшими в Сирии общинами Дамаска и Халеба, заметную роль в жизни Церкви в XVI в. играли светские и духовные лидеры Триполи, забытые позднейшими хронистами и исследователями. Предпринята попытка выявить ведущих представителей православной элиты Триполийского региона и показать их место в политической и культурной жизни православных арабов той эпохи.

Часть I¹

1. Политический контекст

Внутренняя жизнь православного Антиохийского патриархата в османскую эпоху в значительной степени определялась взаимодействием ряда региональных христианских элит, «культурных гнезд», из которых наиболее влиятельными были общины Дамаска и Халеба, двух крупнейших административных и экономических центров Сирии². Однако углубленный анализ источников XVI — перв. пол. XVII в. позволяет выделить еще один «центр силы», серьезно влиявший на развитие православной общины Сирии, — г. Триполи, бывший в конце XVI в. столицей пашалыка (*эялета*) и крупнейшим портом на восточном побережье Средиземного моря.

Как писал путешественник 1580-х гг., город, расположенный у подножия Ливанского хребта, «лежит на месте приятном, до половины на горе расположен, окружен прекрасными садами и изобилен источниками; но воздух в нем нездоровый, а особливо летом»³. Длинный мыс, уходящий в море, служил пристанью

¹ Автор выражает глубокую благодарность д-ру Карстену Валбинеру (Бонн) за содействие в ознакомлении со многими публикациями, использованными в настоящей работе, а также за возможность обсудить самые запутанные и узкоспециальные сюжеты антиохийской церковной истории.

² Панченко К. А. Османская империя и судьбы православия на Арабском Востоке (XVI—нач. XIX в.). М., 1998. С. 66–70.

³ Радзивил Н. Х. Путешествие ко святым местам и в Египет князя Николая Христофора Радзивила (далее : *Радзивил*). СПб., 1787. С. 33.

для кораблей. По склонам соседних гор было разбросано множество христианских монастырей. Христиане — марониты и православные — составляли до 30 % жителей города (это наибольшая доля христиан среди населения крупных городов Сирии), окрестные районы — Джубейль, Батрун, Джуббат-Бшарри, плато Аккар, область Кура — имели самую высокую концентрацию христианского населения на всем Ближнем Востоке. Местные христианские элиты были тесно связаны с османскими правителями Триполи и стремились играть первенствующую роль в Антиохийском патриархате.

Внутренняя история Православной Церкви в арабо-османском мире во многих случаях не может быть адекватно понята без учета внешнего фона, политических событий на мусульманском Ближнем Востоке. При всей взаимной отчужденности ливанских религиозных общин в духовной сфере, они теснейшим образом взаимодействовали в социально-экономической и политической жизни. Взлеты и падения мусульманских правящих домов напрямую отражались на судьбах связанных с ними христианских элит.

На протяжении большей части XVI в. в Северном Ливане доминировал владетельный род Ассаф, еще с мамлюкских времен контролировавший Кесруан (часть Ливанских гор между Бейрутом и Триполи). Эмир Мансур Ассаф (правил в 1523–1580 гг.) в 1528 г. овладел областью Триполи; на пике его могущества зона влияния Ассафов простиралась от Бейрута до Хамы и Хомса. Среди вассалов Мансура выделялся тюркский клан Сайфа, переселившийся в Ливан из Анатолии в 1528 г. и закрепившийся в области Аккар к северу от Триполи. Обе эти династии были связаны с местным христианским населением, часть подвластных им территорий управлялась христианскими шейхами (*мукаддамами*), ответственными за сбор налогов в своих уделах. Беспрецедентным влиянием при Мансуре Ассафе пользовались его ближайшие советники из знатного маронитского рода Хубайш братья Юсуф и Сулейман. Они активно покровительствовали Маронитской Церкви и своим единоверцам, которые в этот период начали переселяться в Кесруан из горных районов вокруг Триполи⁴.

С годами растущее могущество Ассафов стало беспокоить Высокую Порту; с середины 1570-х гг. она предпринимала настойчивые попытки привести к покорности фактически самовластных эмиров Горного Ливана. Особые опасения Стамбула вызывали возможные политические контакты Ассафов с католическими державами, которые после победы под Лепанто (1571) заметно активизировались на Ближнем Востоке, в частности через посредство католических миссионеров, действовавших в маронитской среде. Стремясь усилить свой контроль над Горным Ливаном, Порты в 1579 г. повысила административный статус Триполи, преобразовав его в столицу эялета, включавшего также районы (*санджаки*) Хама и Хомс. Османское правительство сделало блестящий ход, поставив во главе новосозданного эялета не Мансура Ассафа, а его младшего партнера Юсуфа Сайфа, бросив тем самым яблоко раздора между двумя кланами. Юсуф Сайфа был

⁴ *Hitti Ph.* Lebanon in History. L., 1957. P. 371–372 (далее: *Hitti*); *Abu-Husayn Abdul Rafiq.* Provincial Leadership in Syria. 1571–1650. Beirut, 1985. P. 13–15 (далее: *Abu-Husayn*); *Bakhit M. A.* The Christian Population of the Province of Damascus in the Sixteenth Century // Christians and Jews in the Ottoman Empire. N–Y.; L., 1982. Vol. 2. P. 33–35 (далее: *Bakhit*).

для Порты подходящей фигурой: зная ливанские дела изнутри, он в то же время оставался чужим в глазах местного населения, помнившего о его анатолийском происхождении⁵.

В 1591 г. последний эмир из клана Ассаф, Мухаммад, погиб под Триполи при загадочных обстоятельствах; современники винили в этом убийстве Юсуфа-пашу. Мухаммад был бездетен; женившись на его вдове, Юсуф Сайфа унаследовал все владения Ассафов. Лидеры клана Хубайш были схвачены и казнены, уцелевшие члены рода бежали в Южный Ливан. В последнем десятилетии XVI в. Юсуф-паша Сайфа стал политическим гегемоном Северного Ливана, его владения простирались до Антиохии. Покровитель поэтов и суфиев, милостивый к христианским иерархам, Юсуф-паша был описан местными хронистами в достаточно позитивных тонах: «В его эялете райя спали спокойно и просыпались счастливыми, что он здесь»⁶. Османские историографы и европейские путешественники, со своей стороны, изображали его тираном. Овладев Триполи, эмиры Сайфа притесняли европейских купцов и вынудили в конечном итоге консулов западных держав и большинство торговцев перебраться в Александретту. Претензии на Кесруан и Бейрут привели Юсуфа-пашу в конце XVI в. к конфликту с дамасским пашой и набиравшей силу друзской династией Маанов, под знаком которой прошло все следующее столетие ливанской истории⁷.

2. Шейх 'Иса и триполийская региональная элита

Из христианской элиты, окружавшей правителей Триполи XVI в., наиболее известны представители маронитской общины; сведения о них содержатся в позднейших маронитских летописях, прежде всего у Истифана ад-Дувайхи. Православным триполийцам меньше повезло в этом отношении: сирийское мелькитское летописание османской эпохи создавалось в середине XVII в. выходцами из Халеба, не очень благосклонными к соперничающей региональной элите и не уделявшими триполийским делам особого внимания. Однако в нашем распоряжении есть ряд косвенных источников, позволяющих составить некоторое представление о православной общине города Триполи.

Это прежде всего арабская рукопись Библии XIII в., выполненная Пименом Дамасским, шедевр средневековой культуры Христианского Востока; в XVI в. она находилась во владении православного триполийского магната шейха 'Исы ибн Мусы и его потомков. В 1618 г. манускрипт был пожертвован в Баламандский монастырь Сулейманом ибн Джурджисом, *катибом* (секретарем) Юсуфа-паши Сайфа. Там Библия оставалась в течение следующих трех веков, потом в 1913 г. была подарена русскому царю антиохийским патриархом Григорием IV⁸.

В рукописи сохранилось множество приписок лиц, читавших ее в XVI–XIX вв. Она служила шейху 'Исе и потом баламандским монахам чем-то вроде

⁵ *Abu-Husayn*. P. 15–18, 77–78.

⁶ Фраза из хроники суннитского шейха Ибн Карамы (цит. по: *Abu-Husayn*. P. 61).

⁷ *Abu-Husayn*. P. 20–22, 61–65; *Hitti*. P. 372; *Bakhit*. P. 35.

⁸ Ныне находится в СПбФ ИВРАН. Была описана И. Ю. Крачковским: «Оригинал ватиканской рукописи арабского перевода Библии» (*Крачковский И. Ю. Избранные сочинения*. Т. 6. М.; Л., 1960. С. 472–477).

книги записей почетных посетителей. Особенно много пометок относится к периоду 1538–1564 гг., времени, когда рукописью владел ‘Иса. Затем последовал перерыв в 44 года, и следующая запись датируется 1608 г. И. Ю. Крачковский полагал, что все это время, вплоть до 1618 г., Библия находилась в собственности рода ‘Исы⁹. Строго говоря, нет стопроцентной уверенности в том, что Сулейман ибн Джурджис был потомком ‘Исы, однако мы склонны принять мнение И. Ю. Крачковского; если бы эта книга между 1564 и 1618 гг. сменила владельца, он бы не преминул оставить запись об этом.

Известна еще одна триполийская рукопись — Четвероевангелие XV в., — также принадлежавшая шейху ‘Исе и сохранившая приписки множества читателей¹⁰.

Комбинируя колофоны обоих манускриптов, можно составить некоторое представление о православной триполийской элите XVI в.

Авторы записей именуют владельца манускриптов «шейх ‘Иса, сын покойного добродетельного шейха Мусы Мармартина», «проживающий ныне в благословенном городе Триполи»¹¹. То есть ‘Иса происходил из селения Мармари-та (или Марманита, как иногда писали в XVI–XVII вв.), находящегося на плато Аккар, во владениях ас-Сайфа. Его отец шейх Муса жил в первой трети XVI в., сам ‘Иса переселился в Триполи приблизительно в 1530-е гг., умер после 1564 г.¹² Из приписок к Библии явствует, что у него были дети, в том числе любимый сын шейх Юсеф, родившийся до 1538 г., а также брат, «добродетельный шейх» Муса, упомянутый в 1547 г.¹³ Не одной лишь восточной вежливостью был продиктован хвалебный эпитет, который автор одной из приписок прилагал к ‘Исе, — *сахиб аль-кадар* — «властительный», «могущественный»¹⁴. ‘Иса был достаточно влиятельным человеком, в доме его останавливались приезжавшие в Триполи епископы соседних областей. На полях манускриптов оставили свои благопожелания шейху Афанасий, епископ Газы (24.08.1537), Макарий, епископ Кары и Аккара (записи от 1531/2 г. и 8.11.1538), и другой Макарий, епископ Хамы (7.04.1553 и

⁹ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. 6. С. 476.

¹⁰ Рукописное собрание СПбФ ИВ РАН, рукопись С 263. Тексты колофонов этой рукописи цитируются по: A Descriptive Catalogue of the Christian Arabic Manuscripts Preserved in the St-Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences / Ed. N. Serikoff (in print) с любезного разрешения Н. И. Серикова.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 1026/1. № 246. Л. 22, 22 об. Эти приписки к Библии были в свое время скопированы И. Ю. Крачковским, готовившим подробный каталог арабско-христианских рукописей Петербурга. Однако, в силу обстоятельств, эта работа не была завершена, черновые материалы ученого, относящиеся к описанию этих текстов, хранятся ныне в СПбФ АРАН (Ф. 1026. Оп. 1. № 246). См. также: Долинина А. А. История формирования коллекции арабо-христианских рукописей Института востоковедения РАН // Россия и арабский мир: Научные и культурные связи. Вып. 5. СПб., 1999. С. 63–68. Соглашаясь с мнением этого автора о том, что И. Ю. Крачковский несколько преувеличил степень завершенности своего каталога арабо-христианских рукописей, следует отметить, что как раз Библия Пимена Дамасского была описана им наиболее подробно.

¹² Самая ранняя из приписок, упоминающих шейха ‘Ису, была оставлена епископом Макарием (скорее всего это Макарий Хиляль, епископ Кары) в 7040 (1531/2) г. (в тексте ошибочно указан 7140 г.). (СПбФ ИВ РАН, рукоп. С 263. Л. 195 об.).

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 1026/1. № 246. Л. 22, 22 об, 31.

¹⁴ Там же. Л. 30.

27.05.1561)¹⁵. Трудно сказать, имел ли шейх ‘Иса какую-либо административную должность, подобно своему предполагаемому потомку катибу Сулейману ибн Джурджису. Возможно, он занимался только торгово-предпринимательской деятельностью и избегал небезопасной службы у мусульманских правителей. Тем не менее он, несомненно, обладал широкими связями в христианской элите, в том числе и с лицами, служившими в должности катибов в государственном аппарате. Это подтверждают записи в Библии катиба Вахбе ибн Ризк Алла ибн Юханна ибн шейх Тадж, называвшего себя «по вере христианин, по *мазхабу* православный (*аль-маликий*)» от 27.5.1550 и 14.8.1564 и в Четвероевангелии от 2.11.1588 г. (все даты он написал только по хиджре — видимо, привычка, выработанная на мусульманской службе)¹⁶.

3. Макарий Хиляль, антипатриарх

Среди людей, близких к шейху ‘Исе, самая интересная фигура — упомянутый Макарий, епископ Кары и Аккара. Дамаскинец Макарий ибн Хиляль ибн ‘Аун наряду со своим пастырским служением профессионально занимался перепиской книг. Известно несколько его рукописей, выполненных достаточно четким, красивым почерком, хотя не без синтаксических ошибок, с датами 1527, 1531, 1535 г. В рукописи, законченной 29 декабря 1531 г., он уже именует себя епископом Кары¹⁷. В 1538 г. Макарий, как видно из его приписки к Библии шейха ‘Исы, возглавлял две самые густонаселенные и потенциально богатые епархии Сирии и вскоре почувствовал себя достаточно сильным, чтобы претендовать на патриарший престол. Летописи сообщают, что Макарий ибн Хиляль семь лет оспаривал власть у патриарха Иоакима IV Ибн Джумы (1543/4–1576 г.)¹⁸.

Возможно, некий конфликт Макария с властями патриархата обозначился задолго до 1543 г. В начале 1539 г. антиохийский патриарх Михаил ибн аль-Маварди собрал в селении Кара собор для обсуждения запутанной календарной проблемы вычисления даты Пасхи 1539 г.¹⁹ На соборе присутствовали митрополит Баальбека, епископы Ябруда, Сайданаи и аз-Забдани, множество священников и диаконов со всего патриархата²⁰. Не было только епископа самой Кары, который, как видим, предпочел гостеприимство триполийского шейха ‘Исы.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1026/1. № 246. Л. 22, 22 об., 30, 30 об.; СПбФ ИВ РАН, рукоп. С 263. Л. 195 об.

¹⁶ Там же. Л. 25, 29 об.; СПбФ ИВ РАН, рукоп. С 263, внутренняя сторона обложки.

¹⁷ *Nasrallah J.* Chronologie des patriarches melchites d'Antioche de 1500 à 1634. Jérusalem, 1959 (далее: *Nasrallah*) Р. 36–37. Образец почерка Макария см. между страницами 32–33. Датировки у Ж. Насралла иногда указаны с отклонением в один год, так как при пересчете из эры от сотворения мира в эру от РХ он забывал делать поправку на то, что год по эре «от Адама» начинался в сентябре.

¹⁸ (*Михаил Брейк ад-Димашки*) Список Антиохийских патриархов // Труды Киевской духовной академии (далее: ТКДА). 1874. № 6. С. 346–457. С. 425 (далее: *Брейк*); *Павел Алеппский*. Перечень патриархов Антиохийских // Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Т. 5. М., 1900. С. 187 (далее: *Павел*).

¹⁹ См. подробности: *Кузенков П. В., Панченко К. А.* «Кривые Пасхи» и Благодатный огонь в исторической ретроспективе // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 2006. № 4. С. 3–29.

²⁰ *Шейхо Л.* Мин Райяк иля Хама / аль-Машрик. 1902. С. 951–952; *Nasrallah*. Р. 2.

Этот факт ясно указывает на некие проблемы в отношениях патриарха и Макария Хиляля.

Нельзя не упомянуть, что одну из своих рукописей Макарий подписал оглушительным титулом «митрополит Кары, `Арки, Аккара, Триполи, Бейрута, Тира, Сидона и Акки»²¹. Отражал ли этот титул его амбиции или реальную сферу влияния, охватывавшую половину патриархата? Скорее первое, так как касательно бейрутской кафедры точно известно, что ее с 1532/3 г. занимал Иоаким ибн Джума, будущий патриарх²². К сожалению, запись с перечислением восьми престолов Макария не датирована, нельзя сказать, относится ли она ко времени соперничества Макария с Иоахимом или к более раннему периоду.

После смерти Михаила ибн аль-Маварди и краткого правления Дорофея III (1541–1543) патриарший престол занял Иоаким IV ибн Джума, которому, как уже говорилось, бросил вызов Макарий Хиляль. Христианская община разделилась, Иоаким со своими сторонниками совершали богослужения в дамасской церкви свв. Киприана и Иустины, Макарий удерживал небольшую церковь св. Анании. То, что Макарий ибн Хиляль сумел овладеть одной из дамасских церквей, показывает, что его поддержала часть православного населения города. Контакты Макария с шейхом `Исой и тот факт, что кроме Кары, он занимал и епископский престол Аккара, позволяют предположить, что за выступлением Макария стояла и триполийско-аккарская региональная элита, стремившаяся провести своего ставленника в патриархи²³.

Эта попытка не увенчалась успехом. Незадолго до смерти Макарий, по словам хронистов, отказался от своих претензий, принес покаяние патриарху, и раскол прекратился. События эти датируются 1543–1550 гг.²⁴

Иоаким ибн Джума, обретя всю полноту власти, старался, похоже, поддерживать дружественные отношения с христианами триполийско-аккарского региона. В последние годы патриаршества Иоакима одним из самых близких к нему людей был диакон Мусса, сын священника Сааде, родом из того же селения Мармарита, что и триполийский шейх `Иса²⁵. Другой выходец из Мармари-

²¹ *Nasrallah*. P. 32.

²² *Абдалла ибн Трад аль-Байрути*. Мухтасар тарих аль-асакифа альязин раку мартаба риаса-т аль-каханут аль-джалиля фи мадина-т Байрут (Краткая история епископов, восходивших на высокую архиерейскую кафедру города Бейрута). Бейрут, 2002 (далее: *Трад*). С. 27.

²³ Связи шейха `Исы с общиной города Кары, также, несомненно, поддерживавшей Макария, отражает запись в упомянутой Библии священника Салима ибн Юсефа аль-Кари от 5.02.1547 с многословными пожеланиями долголетия ее владельцу (СПбФ АРАН. Ф. 1026/1. № 246. Л. 30 об–31).

²⁴ *Karalevskij* C. Antioche // Dictionnaire d'Histoire et Géographie Ecclésiastiques (далее: DNGE) T. 3. P. 1924. Col. 637 (далее: *Karalevskij*).

²⁵ Диакон, потом священник Муса фигурирует в нескольких колофонах 1574–1576 и 1590 гг., в том числе в связи с дорожными вкладками книг в церкви Сайданаи и Хомса (*Nasrallah*. P. 4–5, 66–68). Более того, Муса из Мармариты, именовавший себя «ученик патриарха Иоакима Антиохийского», жертвовал книги и в монастырь Хаматура под Триполи, духовный центр православных Северного Ливана. В библиотеке монастыря хранятся три рукописи Мусы, датированные, в частности, 1569 и 1580 гг. Последняя из них была подарена монастырю не самим Мусой, а хадж Ибрахимом из селения Амыон, которое и донныне является главным центром расселения православных в Ливане (Васф махтутат дейр Сейида Хаматура Кусба

ты, Анастасий, настоятель монастыря Симеона Чудотворца в Ливанских горах, был поставлен Иоакимом епископом на бейрутскую кафедру, которую до того занимал он сам²⁶.

4. Восходящая звезда Дорофея Дау

После смерти Иоакима V Ибн Джумы в 1576 г. триполийцы снова заявили о своих претензиях на власть в Антиохийском патриархате. Собравшиеся в Дамаске архиереи выбрали трех кандидатов на патриаршество: халебского митрополита Григория Фудайля, ехваитского — Макария Саббага аль-Хамави и триполийского — Дорофея Дау (первый известный по имени митрополит Триполи в османскую эпоху²⁷, если не считать фантастический титул Макария Хилияля). В одной из арабских рукописей упомянута *нисба* Дорофея — *ас-Сафити*, т. е. уроженец села Сафита между Тартусом и Триполи²⁸. Это значит, что Дорофей был во всех отношениях «своим» для триполийской элиты. Кандидатам было предложено самим договориться о том, кто займет Антиохийский престол. Григорий, следуя восточной мудрости «камень тяжел на своем месте», отказался от патриаршества в пользу Макария; судя по тексту летописи, Григорий не хотел рвать связи с халебской элитой (в том числе четырьмя своими братьями) и переселяться в беспокойный Дамаск, где у него не было никакой опоры. Макарий же, которому тогда было под 80 лет (а по другим данным — чуть ли не 120)²⁹, видимо, никому не казался излишне властным архипастырем. В итоге, триполийский митрополит Дорофей тоже вынужден был одобрить кандидатуру Макария, который, по тогдашнему обычаю, вступив на патриаршество, взял новое имя — Михаил³⁰.

В правление Михаила триполийский митрополит играл весьма заметную роль в Антиохийской Церкви. Например, около 1578 г. в Иерусалимском патриархате вспыхнул конфликт между патриархом Германом, сербскими монахами

(Описание рукописей монастыря Богородицы Хаматура Кусба) // Аль-махтутат аль-арабийя фи-ль-адйира аль-уртудуксийя аль-антакийя фи Любнан. Аль-джуз аль-авваль (Арабские рукописи в монастырях православного Антиохийского патриархата в Ливане. Ч. 1). Ливан (б. м.), 1991 (далее: Рукоп. Хаматура. № 25, 32, 38).

²⁶ *Трад.* С. 28.

²⁷ Самое раннее упоминание о Дорофее Дау относится к январю 1574 г. Этим временем датирован колофон об окончании переписки книги монахом Ибрахимом, «учеником Дорофея митрополита Триполи»; книга была пожертвована в монастырь Хаматура (Рукоп. Хаматура. № 39).

²⁸ Рукопись В 1220 собрания СПбФ ИВРАН «Полемическое послание мелькитского епископа Анастасия аль-Марманити Ибн аль-Муджалла папе Григорию XIII». Л. 85–104 об. (далее: *Анастасий*). Л. 85 об. Правда, в другом экземпляре этого сочинения Дорофей именуется «сыном покойного священника Исхака из города Дамаска» (Аль-махтутат аль-арабийя фи-ль-адйира аль-уртудуксийя аль-антакийя фи Любнан. Аль-джуз ас-сани: дайр Сайида аль-Баляманд (Арабские рукописи в монастырях православного Антиохийского патриархата в Ливане. Ч. 2.: Монастырь Богородицы аль-Баламанд). Бейрут, 1994 (далее: Рукоп. Баламанд). Не исключено, таким образом, что предки Дорофея происходили из Дамаска, но сам он ассоциировался уже с Сафитой.

²⁹ *Мальшевский И.* Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах Русской Церкви. Т. 1. Киев, 1872. С. 250 (далее: *Мальшевский*).

³⁰ *Павел.* Т. 5. С. 188; *Бурейк.* С. 426.

Лавры св. Саввы и вифлеемским митрополитом Иоакимом. Для урегулирования спора были направлены в качестве третейских судей Дорофей Дау и сайданайский митрополит Симеон как представители константинопольского и антиохийского патриархов соответственно. Проживая в Иерусалимском подворье Лавры монастыре Архангела Михаила, Дорофей среди политических забот находил время и для ученых занятий. Сохранилось собственноручно переписанное им в Иерусалиме Толкование Иоанна Златоуста на Книгу Бытия «Шестоднев». Триполийский митрополит имел достаточно красивый, хорошо поставленный почерк, начала глав пытался украшать несложными орнаментальными заставками, выполненными красными чернилами. Завершив свой труд 20 января 1579 г., он в пространной приписке, полной гиперболических самоуничижений, поведал об обстоятельствах своего пребывания в Иерусалиме и успешном примирении враждовавших иерархов. «Написано рукой ничтожного Дорофея, именем митрополита, слуги престола города Триполи Сирийского в монастыре св. Архистратига Михаила в аль-Кудсе (Иерусалиме. — К. П.)... И было это в присутствии брата господина епископа кир Симеона, слуги престола Госпожи нашей Богородицы в селении Сайданая, и был он *наибом* (экзархом) святейшего отца нашего патриарха кир Михаила Антиохийского — да продлит Господь его правление и укрепит престол его святейшества...»³¹.

Эта же рукопись содержит еще один колофон Дорофея, от 9 марта, где он называет других своих спутников: «Брат священник 'Иса и брат священник Михаил сын покойного диакона Фарджаллы ибн 'Аляма и сын (духовный) диакон Юханна, келейник»³². Первые двое впоследствии еще не раз появятся в истории Триполийского гнезда.

В мае того же 1579 г. престарелый иерусалимский патриарх Герман сложил с себя власть. Среди присутствовавших на выборах его преемника Софрония И. Малышевский, видимо, по греческим источникам, назвал епископа Симеона из Антиохийского диоцеза и палестинских митрополитов Дорофея и Нектария³³. По нашему мнению, упомянутый Дорофей и есть Дорофей Дау, ошибочно причисленный к палестинскому клиру³⁴. В архиве иерусалимского шариатского суда сохранилась и соответствующая запись о передаче патриаршей власти от Германа к Софронию. Среди представителей православной общины, ходатайствовавших об утверждении нового патриарха, названы Александрийский патриарх Сильвестр, епископ Синайской горы Евгений, митрополит Газы Нектарий,

³¹ Рукопись С 869 собрания СПбФ ИВРАН. «Толкование св. Иоанна Златоуста о Книге Бытия, названное по начальным словам “Шестоднев”. Л. 134 об — 135; *Nasrallah*. Р. 40–41. См. подробности о событиях в Иерусалиме зимой 1578/1579 гг. в статье *Панченко К. А.* Из истории Иерусалимской церкви 16 в. Несостоявшаяся арабская альтернатива греческой ксенократии, или Когда и где начался Мелькитский ренессанс? (в печати).

³² *Nasrallah*. Р. 41.

³³ *Малышевский*. С. 193–194.

³⁴ В Иерусалимском патриархате того времени было только два епархиальных архиерея (не считая Синайского епископа Евгения) — вифлеемский митрополит Иоаким и митрополит газский, упомянутый И. Малышевским Нектарий (*Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. Т. 1. СПб., 1844. С. 128 (далее: *Муравьев*)). Больше в Палестине митрополитов не было, так что Дорофей — скорее всего, митрополит Триполи.

Афанасий, настоятель Сербского монастыря (его упоминает в своем колофоне и Дорофей Дау), Якуб (Иаков), настоятель Грузинского монастыря, а также восемь глав арабской православной общины Иерусалима³⁵. Ни Симеон, ни Дорофей в документе не фигурируют, но это не исключает их присутствия в Иерусалиме в тот момент. Любопытно, что вифлеемский митрополит Иоаким тоже не поставил свою подпись под прошением об утверждении на патриаршестве Софрония, и это содержит в себе косвенное указание на причину того конфликта, который приезжали разрешать антиохийские митрополиты.

5. Антиохийский раскол: Дамаск и Триполи vs. Хaleb

Дорофей Дау, упоминая в своем колофоне антиохийского патриарха Михаила, не забыл добавить традиционное пожелание об укреплении его престола и многолетнем архипастырстве. В глазах историка, знающего дальнейшее переплетение судеб этих двух людей, благопожелание Дорофея выглядит некоторой издевкой.

В Сирии все больше сгущались тучи над головой патриарха Михаила. Правлением патриарха была недовольна могущественная дамаская православная община; ее лидеры около 1581 г. привлекли Михаила к суду по ложному обвинению, требуя отставки патриарха или даже лишения его архиерейского сана. Михаил уступил давлению, покинул Дамаск и уехал на родину, в Хаму. Там его посетил хalebский митрополит Григорий, обеспокоенный столь успешным вмешательством мирян в дела Церкви. Он убедил Михаила взять назад свое отречение. Собрав в Хаме верных епископов и священников, Михаил отслужил с ними литургию, на которой отлучил от Церкви своих дамаских врагов³⁶.

Еще до того, по версии Дорофея Дау³⁷, или после этого, по словам позднейшего хalebского хрониста³⁸, миряне Дамаска призвали триполийского митрополита и провозгласили его патриархом под именем Иоаким. Вместе с примкнувшей к нему частью клира Иоаким Дау отлучил Михаила и его сторонников. «И был великий и невыразимый раскол, — писал хронист, — и издержано было бесчисленное множество денег, так что некоторые, по причине великого стеснения, отреклись от веры христианской, а некоторые были убиты несправедливо среди этих соблазнов»³⁹. О накале взаимного ожесточения свидетельствует такой факт, как поставление Михаилом хalebского епископа Григория на триполийскую кафедру, уже занятую ставленником Иоакима⁴⁰. Никогда, ни до, ни после,

³⁵ Автор пользуется случаем выразить благодарность проф. Амнону Коэну (Иерусалим) за возможность ознакомиться с копией этого неопубликованного документа: *Sijill of Jerusalem*. Vol. 58. P. 385.

³⁶ *Бурейк*. С. 427.

³⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 52/1. Кн. 2. Бытность в Москве антиохийского патриарха Иоакима. Л. 136 об.; см. также: *Панченко К. А.* Православный Антиохийский патриархат и Россия — начало диалога (сер. XVI — первая пол. XVII в.). С. 206–207 (далее: *Панченко*. Православный Антиохийский патриархат) // *Россия и Христианский Восток*. Вып. 2–3. М., 2004. С. 203–221.

³⁸ *Бурейк*. С. 427.

³⁹ Там же. С. 427–428.

⁴⁰ *Nasrallah*. P. 38.

соперничающие претенденты на антиохийский престол не оспаривали хиротоний, проведенных своими соперниками⁴¹, понимая, что епископ — это, как правило, не столько ставленник патриарха, сколько лидер местной христианской общины, пользующийся поддержкой своей паствы.

Эти события представляют собой интересный материал для анализа социальной структуры сирийской православной общины, ее «центров силы». Противостояние различных региональных землячеств (Дамаск, Халеб, Триполи, Хама), накладывається на соперничество светской аристократии и церковной иерархии, внутри которой, в свою очередь, боролись монархический элемент (в лице патриархов) и «аристократический» (епископы с их полуфеодальными полномочиями). Впрочем, в настоящей статье мы ставим целью не столько социологический анализ, сколько реконструкцию фактического хода событий. Восстановление достоверной политической истории должно предшествовать аналитическим обобщениям; к сожалению, в изучении арабского православия дело часто обстоит наоборот.

Датировка антиохийского раскола представляет большую проблему. По версии летописи патриарха Макария (в передаче Михаила Брейка), Михаил аль-Хамави правил 7 лет, то есть умер в 1583 г.⁴² Павел Алеппский явно ошибочно говорит, что правление Михаила продолжалось 4 года, за чем последовал год смуты⁴³. В литературе принята дата 1581 г. как год смещения Михаила⁴⁴, но смута после этого, несомненно, продолжалась дольше года.

Михаил, назначив халебского митрополита Григория своим наместником в подчинявшихся ему епархиях, отправился за поддержкой в Константинополь, к патриарху Иеремии. Это был едва ли не первый в османскую эпоху случай, когда сирийские иерархи дали повод вмешаться в свои дела столичным грекам. Пребывание Михаила в Константинополе датируется 1582-м годом, в том же году умер халебский митрополит Григорий⁴⁵. Получив султанский фирман, подкреплявший его полномочия, Михаил вернулся в Халеб, но Дамаск снова отказался признать его. Власть Высокой Порты в сирийских провинциях была небеспредельной, дамаский паша, несомненно, был «перекуплен» местными христианами и согласился проигнорировать султанское повеление. Противостояние в Антиохийском патриархате достигло предела: «Тогда отец отделился от сына, брат от брата, жена от мужа, священник от сослужителя своего, потому что произошли между ними величайшие раздоры и ужасы, достойные плача и рыдания.

⁴¹ *Walbiner C.-M. Bishops and Bishops of the Greek Orthodox Patriarchate of Antioch in the 16th and 17th Centuries. P. 126, 131–132 // Тарих каниса Антакия ли-р-рум аль-уртудук: аяя хусусий? Баламанд. 1999. С. 121–134 (далее: *Walbiner. Bishops*).*

⁴² *Брейк. С. 427–428.*

⁴³ *Павел. С. 188.*

⁴⁴ Иоаким, по греческим источникам, был провозглашен патриархом до 25 мая 1581 г. (*Karalevskij. Col. 637*). Ж. Насралла, без должных объяснений, принял дату 1580 г. (*Nasrallah. P. 68*). Однако, по нашему мнению, эта дата неверна, так как и западные миссионеры, находившиеся в Горном Ливане, впервые сообщают о смуте в Дамаске также только в 1581 г., в донесении от 3 июня (*Monumenta Proximi-Orientis. I. Palestine — Liban — Syrie — Mesopotamie (1523–1583) par S. Kuri / Monumenta missionum Societatis Iesu. Vol. LI. Roma, 1989 (далее: *Monumenta*). P. 312*).

⁴⁵ *Nasrallah. P. 38, 41.*

Тогда совершались хиротонии и молитвословия не для прославления Бога, а для отместки друг другу»⁴⁶.

Как показывают недавно введенные в научный оборот архивные материалы, Иоаким Дау тоже не сидел сложа руки. У него, несомненно, были какие-то связи со столичными греками, коль скоро он в 1578 г. ездил в Палестину как экзарх Константинопольского престола. Пребывание в Палестине и дружеское общение с патриархами Сильвестром Александрийским и Софронием тоже укрепило позиции Иоакима. Не стоит забывать, что он был среди тех, кто проложил Софронию дорогу к патриаршеству. Задействовав эти резервы и, несомненно, немалые деньги, Иоаким добился появления нового султанского указа, прямо противоположного по содержанию тому, что был дан Михаилу. В патриаршем архиве Дамаска сохранился документ с кратким пересказом этого фирмана. Приведем его целиком. «Указ вали и кадиям вилайетов аш-Шам, Халеб и Триполи Сирийский, а также властям санджаков Маарра, Хама, Хомс и Джабала. [В тексте] говорится, что было направлено предписание касательно рассмотрения [дела] Михаила, ранее отправленного на покой с патриаршества, но не повиновавшегося и возбудившего мятеж. После чего от патриархов Александрии и аль-Кудса и патриарха Истамбула были представлены отлучения [на него]. И *вакиль*⁴⁷ его, и неверные общины его жалуются на упомянутого Михаила, ибо он возбудил среди райи интриги, смуту и порчу. И [они] просят усмирить его и немедленно удалить из этих вилайетов и санджаков и сослать в другой вилайет»⁴⁸. Далее, видимо, следовало указание привести в исполнение распоряжение о высылке Михаила из Сирии. Документ датирован 1 Джумада I 991 г. х. /25 июня 1583 г.

После появления этого указа Михаил был вынужден снова отправиться в Константинополь, однако на этот раз не нашел там поддержки. Возможно, у него уже иссякли средства, и ему не на что было делать подношения членам Синода и османским чиновникам. Не исключено, что в Синоде прознали о контактах Михаила с папским легатом Леонардом Абелем в Халебе летом 1583 г., и это тоже должно было обернуться против экс-патриарха. Ему посоветовали окончательно отречься от престола. По данным арабских летописцев, на обратном пути в Сирию Михаил умер и был похоронен на острове Родос⁴⁹.

Выяснить, в каком году все это произошло, достаточно сложно. И. Малышевский, по греческим источникам, пишет, что Михаил, будучи в Константинополе, осудил незаконное низложение вселенского патриарха Иеремии, который был свергнут его противником Пахомием с турецкой помощью в 1584 г.⁵⁰ Утверждение французского историка XVIII в. Ле Кьена о том, что Михаил участвовал в поставлении следующего после Пахомия константинопольского патриарха Фе-

⁴⁶ *Брейк*. С. 428.

⁴⁷ *Вакиль* (дословно — ‘заместитель’) — управляющий хозяйственными делами патриархии. Этот пост мог занимать как клирик, так и мирянин. Влияние вакилей временами оказывалось сопоставимым с патриаршим.

⁴⁸ *Ф. Фрейджат*. Батарика аль-Антакийя аль-маликийун фи-ль-карнейн ас-садис ашар ва ас-саби ашар (Мелькитские антиохийские патриархи в XVI—XVII вв.) // аль-Масарра. 84 (1998). С. 28–29 (далее: *Фрейджат*).

⁴⁹ *Брейк*. С. 428.

⁵⁰ *Малышевский*. С. 250–251.

олепта 15.03.1585⁵¹, неверно — Михаил здесь спутан с антиохийским патриархом Иоакимом Дау, который действительно был в Константинополе в это время⁵². Учитывая приведенные выше датировки Павла Алеппского и патриарха Макария, можно было бы сделать вывод, что Михаил умер в 1583 г., самое позднее — в начале 1584 г. Этой датировки (1583/4 г.) придерживался и Порфирий Успенский⁵³.

Однако в конце XIX в. была обнаружена сиро-мелькитская рукопись, которая за 300 лет до этого принадлежала человеку, называвшему себя «иеромонах по имени, не по делам, ученик отца господина митрополита кир Иоакима, митрополита порта Бейрут — да упокоит Господь душу его со святыми отцами, аминь — Иоасаф, именем священник»⁵⁴. В приписке, оставленной этим Иоасафом, современником и очевидцем антиохийской смуты 1580-х гг., содержится весьма любопытная информация: «И была кончина отца господина митрополита в 7100 (1592) году, 17-го мая, и кончина отца господина епископа кир Анастасия, епископа горы Синай, на Воздвижение, и кончина отца господина патриарха кир Иоакима на праздник свв. Сергия и Вакха, и кончина смещенного патриарха на Рождество. И все они четверо (умерли в) один (год), прими их (Господи) в царствии небесном, аминь»⁵⁵.

Таким образом, получается, что Михаил аль-Хамави даже ненадолго пережил своего соперника Иоакима Дау. Но это мало что меняет в картине антиохийской церковной истории. Ясно, что на рубеже 1583–1584 гг. Михаил окончательно отказался от патриаршества и, возможно, переселился на Родос. В грамотах, которые привез в 1586 г. русскому царю Иоаким Дау, Михаил не назван уже умершим, но весь конфликт двух патриархов описывается в прошедшем времени, как уже завершившийся⁵⁶. В самом тоне записки Иоасафа о кончине патриарха Михаила, не названного даже по имени, чувствуется, что он давно уже отошел от дел и его успели забыть.

Таким образом, уже в первой половине 1584 г. Иоаким Дау мог бы торжествовать победу. Однако именно в этот момент он оказался на краю политического краха. Смута полностью разорила православное население Сирии, патриархия была обременена непосильными долгами. Иоаким в борьбе с Михаилом успешно прибегал к защите дамаского паши; теперь османские власти требовали от патриарха выплаты значительных денежных сумм. Видимо, Иоаким пообещал паше за поддержку больше, чем реально смог дать, или же патриарх набрал денег в долг у представителей мусульманской администрации. В источниках XVI в. известны примеры, когда христиане занимали деньги у дамаских янычар и даже из государственной казны⁵⁷; задерживать выплаты подобным кредиторам было

⁵¹ Цит. по : *Порфирий (Успенский)*. Восток Христианский. Сирия // ТКДА, 1876. Т. 1. Март. Прил. С. 97 (далее: *Порфирий*). У Порфирия это событие ошибочно датируется 1584-м годом. И. Малышевский повторяет эти сведения (С. 255). Ошибку Ле Кьена повторяет также Ж. Насралла (*Nasrallah*. P. 42).

⁵² *Муравьев*. С. 148.

⁵³ *Порфирий*. С. 97.

⁵⁴ *Nasrallah*. P. 5–6.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Панченко*. Православный Антиохийский патриархат. С. 206–207.

⁵⁷ *Bakhit*. P. 27–8.

рискованно. В не меньшей степени Иоаким задолжал и триполийской администрации. По свидетельству Н. Х. Радзивила, бывшего в Триполи летом 1583 г., местный паша, то есть, видимо, Юсуф Сайфа, был отправлен на войну с Персией, и городом временно управлял переведенный из Иерусалима эмир Джафар-паша⁵⁸. Ж. Насралла считает, что именно он требовал денег с Иоакима⁵⁹. В подобной ситуации патриархов и епископов, невзирая на духовный сан, часто бросали в зиндан и держали там вплоть до выплаты долга. Спасаясь от дамасского паши, Иоаким уже в 1583 г. бежал в долину Бекаа, под покровительство правившей там шиитской династии Харфушей, практически не подчинявшейся центральным османским властям⁶⁰. Приблизительно летом 1584 г. патриарх встречался с посланцем папы Л. Абелем вдали от административных центров в маленькой деревушке Айта в Бекаа, к юго-западу от Забдани. А не позже начала сентября 1584 г. Иоаким тайно бежал из Сирии и отправился на корабле в Стамбул, рассчитывая получить помощь на покрытие своих долгов у вселенского патриарха и столичной греческой элиты⁶¹.

6. Католический фактор

Противостояние патриархов совпало по времени с активным католическим проникновением на Ближний Восток, затронувшим и триполийскую общину, и ее лидера Иоакима Дау. Католический мир, оправившийся от протестантского натиска после Тридентского Собора, перешел во второй половине XVI в. в контрнаступление, стремясь, в частности, компенсировать свои утраты в Северной Европе распространением унии на Христианском Востоке. В этом контексте следует рассматривать целый комплекс событий: от Брестской унии 1596 г. на севере до принятия унии малабарскими христианами (синод в Диампере 1599 г.) на юге. Сирия находилась как раз посередине этой дуги и тоже испытала мощное католическое воздействие. В правление папы Григория XIII (1572–1585) Левант посетил ряд латинских миссий, стимулировавших дальнейшее сближение с Римом маронитов и призывавших к тому же монофизитов и православных. Дать полноценную картину контактов папских легатов с православными антиохийскими патриархами в 1580-е гг. довольно трудно: арабские летописи об этом не говорят ни слова, а католические авторы явно пристрастны и склонны изображать позицию православных сирийцев исключительно как радость по поводу перспективы грядущей унии и готовность немедленно принять латинские догматы и главенство папы. Тем не менее ничего подобного не произошло, католический натиск 1580-х гг. схлынул почти бесследно для Антиохийского патриархата. Возможно, латинские миссионеры преувеличивали свои успехи в контактах с Православным Востоком; возможно, они искренне заблуждались, принимая за чистую монету утонченный азиатский *ихтирам*, кодекс гостеприимства и этикет общения.

⁵⁸ Радзивил. С. 34, 189.

⁵⁹ Nasrallah. P. 46.

⁶⁰ Haddad R. Syrian Christian in Muslim Society. Princeton, 1970. P. 27 (далее: Haddad).

⁶¹ (Шейхо Л.) Р'Исаля вуджха ар-рум ат-тараблюсийин иля аль-баба Григуриус ас-салис 'ашар (Послание румов Триполи к папе Григорию XIII) // аль-Машрик. 1906. С. 357–361 (далее: Р'Исаля...).

Кроме того, межцерковные контакты на Османском Востоке XVI–XVII вв. нельзя мерить мерками Восточной Европы времен Флорентийской или Брестской унии, где можно было наблюдать осмысленное и бескомпромиссное противостояние Византийской и Западной цивилизаций. На Арабском Востоке отношение к католикам до XVIII в., как правило, было менее враждебным. Как писал Р. Хаддад, православные арабы давно забыли ужасы крестовых походов, а упадок богословских знаний не оставлял места для доктринальной полемики⁶². Кроме того, жизнь в условиях многоконфессионального, этнически пестрого общества вырабатывала у ближневосточных христиан терпимость к иноверцам, если не на теологическом, то на бытовом уровне. Например, папский посланник Джiovанни Батиста Элиано, будучи в Триполи в 1578–1579 гг., явно поддерживал дружеские связи с кем-то из потомков шейха ‘Исы, владельца упомянутой Библии XIII в., и получил возможность снять с нее копию, украсившую потом Ватиканскую библиотеку⁶³. В то же время не стоит абсолютизировать мнение Р. Хаддада о том, что восточные христиане по невежеству недопонимали своих доктринальных расхождений с католичеством и не воспринимали западных миссионеров как угрозу. Все было настолько сложнее, что заслуживает отдельного исследования, здесь же мы коснемся лишь фактической стороны римско-мелькитских контактов 1580-х гг.

В 1578–1579 и 1580–1582 гг. в Сирии действовала миссия иезуита Джiovанни Батиста Элиано (1530–1589), имевшего уже большой опыт контактов с восточными христианами. Хотя основной целью поездки Элиано было укрепление связей с маронитской церковью⁶⁴, начавшийся раскол в православном Антиохийском патриархате, естественно, вызвал живейший интерес в Риме⁶⁵. Складывалась ситуация, исключительно благоприятная для проникновения латинских миссионеров в православную среду и привлечения к унии хотя бы одного из патриархов-соперников.

Папа направил на Восток новое посольство во главе с мальтийцем Леонардом Абелем. Этот священник-иезуит, свободно владевший восточными языками, получил в 1582 г. номинальный титул епископа Сидонского и в марте 1583 г. отбыл из Рима. Ему предписывалось войти в контакт с главами восточных христианских церквей и склонить их к воссоединению с Римом на условиях Флорентийской унии, а также к принятию решений Тридентского Собора и реформы календаря 1582 г.⁶⁶

Л. Абель начал свой путь с Триполи⁶⁷, где изложил местным православным содержание привезенных им папских грамот. Никого из церковных иерархов

⁶² Haddad. P. 23–25.

⁶³ Крачковский И. Ю. С. 472.

⁶⁴ Heyberger B. Les Chrétiens du Proche-Orient au temps de la réforme catholique. P. 1994 (далее : Heyberger). P. 232; Шейхо Л. Лямха тарихийя фи-ль-касада ар-расулийя (Исторический очерк апостольских миссий) // аль-Машрик. 1909. С. 8–9.

⁶⁵ Monumenta. P. 264, 309, 312.

⁶⁶ Karalevskij. Col. 638–639; Heyberger. P. 232.

⁶⁷ Благодаря тому, что посольство Л. Абеля плыло на одном корабле с известным польским государственным деятелем и паломником-писателем Н. Х. Радзивилом, мы можем, опираясь на его записки, надежно датировать прибытие Абеля в Триполи июнем 1583 г. (Радзивил. С. 19, 31).

в городе, похоже, не было. Часть триполийской православной общины горячо поддержала идею унии; позже, 16.09.1584 г., эти люди отправили соответствующее послание папе Григорию XIII⁶⁸. Эта грамота позволяет отчасти реконструировать ход событий 1583–1584 гг. Из Триполи Л. Абель отправился в Хaleb, где и обосновался, рассылая оттуда послания христианским иерархам.

Оба соперничающих православных патриарха находились тогда в катастрофическом финансовом положении и имели весьма туманные перспективы на победу в борьбе за Антиохийский престол. Они не могли пренебречь таким союзником, как Католическая Церковь с ее огромными, в том числе и финансовыми, возможностями. Недаром Михаил аль-Хамави на встрече с Л. Абелем долго жаловался ему на несчастья, которые претерпел от Иоакима и его сторонников, и потом писал о том же в Рим. Михаил, несомненно, уже чувствовал шаткость своей опоры на Константинополь. Встреча патриарха и Абеля могла произойти никак не раньше июля 1583 г., то есть Михаил уже должен был знать о султанском фирмане от I Джумада I о своей высылке из Сирии. Поэтому патриарх, которому нечего было терять, заявил папскому легату о готовности принять католические догматы и признать главенство папы; Михаил отправил в Рим соответствующие грамоты, однако его смерть расстроила намечавшийся проект унии⁶⁹. Любопытно, что в католической историографии Михаил считается единственно закон-

⁶⁸ Рисаля... С. 357–361. Под грамотой стоят подписи: Вахбе, Фарах, Фадлалла, Сулейман ибн Мартия (? — прим. Л. Ш.), Михаил, Юханна ибн Ильяс *ан-Нахви* ('грамматист' — м. б., он и был составителем послания?), Юханна ибн Насралла.

⁶⁹ *Karalevskij*. Col. 639; *Heyberger*. P. 233. Датировка встречи патриарха и легата (точнее, встреч было несколько) крайне затруднительна. Ни Л. Шейхо, ни К. Каралевский не называют никаких дат. По логике вещей, переговоры могли состояться в конце лета или осенью 1583 г., за чем должна была последовать отправка в Рим упомянутых грамот Михаила. Именно такую дату сообщает К. Баша (*Basha K.* Мульхак ли сильсия матарина Сур (Дополнения к списку епископов Тира) // аль-Машрик. 1906. С. 621 (далее: *Basha*. 1906). Позже он изменил ее на 1585 г., эту дату повторяет и Б. Эберже (*Heyberger*. P. 233). Однако, по свидетельству Ж. Насралла, эти грамоты помечены маем 1586 г. (*Nasrallah J.* Chronologie des patriarches melchites d'Antioche de 1250 à 1500. Jérusalem. 1968. P. 40 (далее: *Nasrallah*. 1968)). Стоит отметить, что этот исследователь опубликовал фотокопию послания патриарха Михаила кардиналу Джулио Санторио ди Санта Северина, курировавшего работу с православными церквями (Там же). На этой грамоте дата (май 1586 г.) стоит не в самом тексте, а приписана на полях рукой архивиста, регистрирующего входящую корреспонденцию, то есть вполне может быть неточной.

Получается, Михаил после своего окончательного низложения на рубеже 1583–1584 гг. попытался еще раз возобновить борьбу? И он жил при этом не в ссылке на Родосе, а в Хalebе? Вопрос этот требует дальнейшего изучения, прежде всего с опорой на западные источники.

Интересна и другая грань этого сюжета. Почему на грамоты Михаила не последовало никакой реакции со стороны Ватикана? По крайней мере, в известных нам публикациях об этом не говорится ни слова. Не каждый день в Рим поступали предложения о заключении унии от православных патриархов. И при этом, за шесть лет, прошедших от присылки грамоты до смерти Михаила, ничего сделано не было. На наш взгляд, странной пассивности Ватикана есть единственное объяснение. К моменту написания своих посланий Михаил окончательно проиграл борьбу за престол и был уже не патриархом, а частным лицом, человеком, утратившим всякую поддержку в православной общине и неправомочным заключать какие-либо союзы. Конечно, в Риме по своим каналам знали обо всем этом, и бумагам Михаила не был дан ход. Может, были и другие причины загадочного молчания папской курии, но сведения о них погребены в ватиканских архивах.

ным антиохийским патриархом того времени, а Иоаким Дау фигурирует как антипатриарх-узурпатор.

Леонард Абель вошел в контакт и с Иоакимом. Как уже говорилось, они встретились не позже лета 1584 г. в деревне Айта. Иоаким, не смевший появиться ни в Дамаске, ни в Триполи, был в таком положении, что не мог позволить себе конфликт еще и с католическим миром, достаточно влиятельным в Леванте. В то же время, вне всякого сомнения, он не был сторонником унии. Поэтому на переговорах с Абелем патриарху пришлось отчаянно лавировать. Папский посланник представил Иоакиму грамоту апостольского престола и письмо кардинала Джулио Санторио ди Санта Северина, призывавшие к возобновлению унии, заключенной на Флорентийском Соборе, и принятию григорианского календаря. Патриарх ответил, что ничего не слышал о Флорентийском Соборе. Эта фраза приводится в научной литературе как пример вопиющего невежества османских христиан в теологических вопросах⁷⁰. На наш взгляд, это отнюдь не очевидно. Иоаким, вполне возможно, желал уклониться от прямого ответа и выиграть время. Абель передал ему для ознакомления экземпляр актов Флорентийского Собора. Антиохийский патриарх говорил, что, перед тем как принимать столь важное решение о вероисповедном и церковном единении, ему необходимо проконсультроваться с предстоятелями других поместных церквей и с верхушкой христианской общины Сирии. Поэтому он назначил Л. Абелью следующую встречу в своем «гнезде», в Триполи, для окончательного оформления договоренностей. Не исключено, что уже тогда Иоаким твердо знал, что в Триполи в оговоренный срок не появится. Как уже говорилось, вскоре он отплыл в Константинополь, рассчитывая получить денежную помощь от вселенского патриарха⁷¹.

7. Ответ Папе Римскому Анастасия ибн Муджаллы

Говоря об отрицательном отношении Иоакима Дау к католической унии, можно даже не приводить в пример его деятельность на Украине в 1585–1856 гг., когда антиохийский патриарх, возведенный в свое время на престол волей мирян, поддерживал мирян Львовского братства, будущего очага сопротивления унии, в их конфликте с пролатински настроенной церковной иерархией⁷². В самой Сирии имя Иоакима прочно ассоциировалось с антикатолической группировкой антиохийского клира. От того времени сохранился арабский полемический трактат в форме ответа на папское послание, привезенное Джиованни Элиано, написанный митрополитом Анастасием аль-Марманити ибн Муджалла, ближайшим сподвижником, или, как он называл себя, «учеником» «господина патриарха Кир Ювакима аль-Антаки»⁷³.

⁷⁰ Haddad. P. 24.

⁷¹ Karalevskij. Col. 639; Р'Исаля... С. 359–360.

⁷² См., в частности: Крачковский И. Ю. Грамота Иоакима IV, патриарха Антиохийского, львовской пастве в 1586 г. // Избранные сочинения. Т. 6. С. 445–454; Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. М., 1993. С. 603–604 (далее: *Карташев*).

⁷³ Анастасий. Л. 85; Graf G. Geschichte der Christlichen Arabischen Literatur. Т. 3. Città del Vaticano, 1949. P. 89. Nasrallah J. Histoire du mouvement littéraire dans l'église Melkite du Ve au XXe siècle. IV/1/ Louvain, 1971. P. 181–183.

Датировка этого трактата несколько проблематична. Иоаким Дау теоретически мог встречаться с Элиано еще в 1578–1581 гг., в бытность свою митрополитом Триполи, хотя источники об этом молчат. Может быть, «Ответ» Анастасия был адресован уже Леонарду Абелю и, стало быть, написан в середине 1580-х гг., тем более что речь там идет о григорианском календаре, введенном только в 1582 г.? К. Баша датировал трактат 1583 г.⁷⁴ Так или иначе, это сочинение однозначно демонстрирует настроения Иоакима Дау и его сторонников, а также уровень богословских познаний православных арабов XVI в. Трактат Анастасия, несмотря на свой полемический характер, написан с изысканной восточной вежливостью. Автор пересказывает послание папы, его призывы к преодолению расколов и расхождений и единению всех христиан, как в древней апостольской церкви — «духовной любовью... единой св. апостольской верой, единым крещением, единым исповеданием»⁷⁵. «Когда мы услышали это, — писал Анастасий, — то сильно обрадовались и возликовали... И молили Господа, да свершится желание отца нашего папы — собраться всем нам на собор и стать единой паствой единого пастыря, который есть Господь наш Иисус Христос»⁷⁶. После такого многообещающего зачина Анастасий начал разбирать тезисы папского послания и громить их. Наибольшее неприятие на Востоке вызывала реформа календаря, принятая в Католической Церкви. Анастасий весьма скептически отзывался об изысканиях европейских астрономов и математиков. Дата Пасхи и иных праздников, напоминал он, установлена апостолами по внушению Св. Духа; всякое изменение базовых установок христианской традиции подлежит отлучению и проклятию. Вселенские соборы ничего не привносили от себя, они опирались на апостольское наследие и внушения Св. Духа. «Также и община наша, и епископы наши, и цари наши, и весь наш народ, разделенный на четыре стороны света, — греки, русские, грузины, валахи, сербы, молдавانه, *ат-турк* (тюркоязычные христиане Анатолии? — К. П.), арабы и другие ... от времен св. апостолов и божественных отцов семи Вселенских соборов и до наших дней признают одну веру и одно исповедание и одну церковь и одно крещение (дословный перепев папского послания. — К. П.) ... и все наши народы согласны в четырех краях вселенной единым словом и единым делом ... И мы не принимали исповедание и св. предание, которое в руках наших... от людей неизвестных, как другие иноземные общины». Анастасий дипломатично привел в пример сторонников Ария, Евтихия, Нестория, Марона и других еретиков, хуливших Св. Духа, хотя явно имел в виду именно своих католических адресатов. «Но мы молимся, — продолжал он, — со св. апостолами и 318 отцами (Никейского Собора. — К. П.), их *айяты* сияют и чудеса от них явственны. И как можно нам изменить предание подобных святых отцов и последовать за людьми неизвестными, не имеющими иного ремесла, кроме наблюдения звезд и изучения небесного свода?»⁷⁷.

В настоящей статье мы не ставим задачей анализировать богословскую полемику православных арабов XVI в. и излагать целиком содержание «Ответа».

⁷⁴ Баша. 1906. С. 621.

⁷⁵ Анастасий. Л. 85 об — 86 об.

⁷⁶ Там же. Л. 87—87 об.

⁷⁷ Там же. Л. 88 об — 90.

Труд Анастасия ибн Муджаллы аль-Марманити заслуживает отдельного опубликования и комментариев. Здесь же следует отметить, что Анастасий, выходец, как и шейх 'Иса, из села Мармарита, является еще одним видным представителем триполитского культурного гнезда.

8. Странствия Иоакима Дау

Деятельность Иоакима Дау в период его отсутствия в Сирии достаточно хорошо прослеживается по источникам. Константинопольский патриарх Иеремия, на помощь которого рассчитывал Иоаким, в 1584 г. был низложен и сослан по проискам своего соперника Пахомия. Не вполне ясно, какие отношения сложились у Иоакима и нового патриарха. Ж. Насралла считал, что Пахомий всячески покровительствовал Иоакиму Дау и снабдил его рекомендательными грамотами для поездки в Москву (начало этой поездки историк ошибочно относил к 1584 г.). Любопытно отметить, что Ж. Насралла в своей монографии об антиохийских патриархах весьма пристрастен. К Иоакиму Дау он относился с явной антипатией, видимо, потому, что Иоаким ассоциировался у него с антикатолической партией антиохийского клира. Поэтому, не имея компрометирующих свидетельств относительно самого патриарха Иоакима, Насралла всячески подчеркивал темные стороны личности «покровителя» Иоакима Пахомия, который в греческой историографии, действительно, описывается как аморальный интриган и корыстолюбец⁷⁸. На самом деле, пафос Ж. Насралла направлен мимо цели, так как покровителем Иоакима в Константинополе был не Пахомий, низложенный в марте 1585 г., а следующий патриарх Феолепт, в интронизации которого Иоаким, как уже упоминалось, принимал участие. 23 апреля оба патриарха вместе со своим александрийским собратом Сильвестром, также находившемся в Стамбуле, встречались с послом русского царя Борисом Благим, привозившим милостыню в Царьград и на Афон⁷⁹. Мы уже высказывали предположение, что эта встреча, видимо, и подтолкнула Иоакима Дау к решению отправиться в Москву для испрошения денежной помощи на покрытие своих долгов⁸⁰, тем более что константинопольские греки, как Иоаким уже должен был понять, ничем помочь ему не могли. Смута во вселенской патриархии в 1580-х гг., когда соперники подкупали османских чиновников, чтобы свести счеты друг с другом, так же разорила Церковь, как и в Сирии. Османские власти, недополучив с Феолепта обещанных им денег, разграбили патриарший храм и обратили его в мечеть⁸¹. Возможно, Иоаким Дау обратился за помощью к России, следуя примеру лично знакомого ему с 1579 г. вифлеемского митрополита Иоакима, который в 1583 г. также ездил в Москву за милостыней⁸² и на обратном пути мог пересечься с антиохийским патриархом.

Так или иначе осенью 1585 г. Иоаким Дау уже оказался на Украине, где принимал активное участие в жизни местной православной общины (как выразился

⁷⁸ *Nasrallah*. P. 46–47.

⁷⁹ *Муравьев*. С. 148–149.

⁸⁰ *Панченко*. Православный Антиохийский патриархат. С. 206.

⁸¹ *Мальшевский*. С. 256.

⁸² *Муравьев*. С. 128. См. также: *Панченко К. А.* Из истории Иерусалимской церкви 16 в.

Ж. Насралла, «вмешивался во внутренние дела рутенской церкви»⁸³). Зимой—весной 1586 г. патриарх находился во Львове, видимо, после этого посетил Киев, где местный живописец написал его парсуну, хранившуюся потом в митрополичьих покоях вместе с портретами других трех восточных патриархов, в разное время проезжавших через Киев. Павел Алеппский, видевший эти картины в 1656 г., оставил их подробное описание: «Все эти четыре патриарха в облачениях, с посохами, панагиями и в митрах. Первый из них, к нашему приятному изумлению, был Иоаким, патриарх Антиохийский, по прозванию Свет (Дау); цвет лица у него очень темный, борода с проседью, клином. На портрете его имя написано по-гречески, и по дате мы сосчитали, что с того времени прошло 72 года»⁸⁴. Далее, через Смоленск Иоаким прибыл в Москву, где находился с 17 июня по 11 августа 1586 г. Поездка в значительной степени оправдала ожидания патриарха, он получил богатую милостыню, не в последнюю очередь в обмен на обещания содействовать учреждению в Москве патриаршества⁸⁵.

Последующие годы жизни Иоакима Дау прослеживаются фрагментарно. Он вернулся на Балканы, видимо, в конце 1586 г.⁸⁶, возможно, какое-то время пробыл в Константинополе, потом через Салоники отправился в Дамаск⁸⁷. Можно заключить, что московская милостыня позволила ему расплатиться с долгами и утвердить свою власть в Антиохийском патриархате. Конец 1580-х гг. был временем наибольшего влияния триполийской элиты в православной общине Сирии, что подкреплялось и возвращением Триполийского пашалыка в руки Юсуфа Сайфа, несомненно, связанного с Иоакимом Дау давними отношениями. Антиохийский патриарх принимал активное участие в жизни всего Православного Востока. Он фигурирует среди участников собора в Константинополе в мае 1590 г., подтвердившего предоставление московскому первоиерарху патриаршего сана⁸⁸. 5 июля 1590 г. Иоаким в Каире рукоположил в александрийского патриарха Мелетия Пигаса, а потом посетил вместе с ним Синайский монастырь⁸⁹. Мелетий Пигас, крупнейший культурно-политический деятель Православного Востока той эпохи, неизменно подчеркивал свое почтительное отношение к антиохийскому патриарху⁹⁰.

⁸³ *Nasrallah*. P. 47.

⁸⁴ *Павел*. Путешествие... Кн. 4. С. 187.

⁸⁵ О пребывании антиохийского патриарха в Москве см.: *Муравьев*. С. 169—179; *Карташев*. Т. 2. С. 12—16; *Панченко*. Православный Антиохийский патриархат. С. 206—208.

⁸⁶ На обратном пути, в Молдавии, Иоаким подарил местному епископу Георгию Могиле икону Богоматери, вложенную потом в Сучавский монастырь. Насралла относит это к 1587 г., но вкладная запись на иконе датирована 7095 г. (1.09.1586—31.08.1587), то есть могла быть сделана и в конце 1586 г. (*Nasrallah*. P. 47; *Nasrallah*. 1969. P. 40).

⁸⁷ *Брейк*. С. 429.

⁸⁸ *Карташев*. Т. 2. С. 38—39.

⁸⁹ *Мальшевский*. С. 293, 630.

⁹⁰ Из письма Мелетия к Иоакиму от 1.08.1592 г.: «Твое всесвятешество пишет еще о некоторых церковных делах и просит у нас совета и помощи ... Я весьма благодарен вашей любви за то, что имея силу и умение управлять делами, она все-таки сообщает о сем нам, людям, нуждающимся и в мудрости и в знании» (Патриаршие документы // Материалы для истории архиепископии Синайской горы. Т. 2. СПб, 1909. С. 265—266. Далее: Патриаршие документы). Следует отметить, что Мелетий к другим своим собратьям обращался в значительно более жестком и наставительном тоне.

7 октября 1592 г. Иоаким Дау во время посещения Хаурана погиб при неясных обстоятельствах («был мученически умерщвлен», как написал Павел Алеппский)⁹¹.

9. Судьбы триполийской кафедры

Восстанавливая историю десятилетнего правления этого патриарха, особое внимание следует обратить на положение при нем триполийской кафедры. Некоторые антиохийские патриархи — ставленники региональных элит — избегали замещать свою прежнюю архиерейскую кафедру, не желая, видимо, создавать средостение между собой и своими земляками-сторонниками. История триполийского митрополичьего престола в 1580-е гг. весьма запутана. Из письма Мелетия Пигаса к следующему антиохийскому патриарху Иоакиму ибн Зияде от 1594 г. известно, что некий неназванный по имени митрополит триполийский был низложен патриархом Иоакимом Дау в присутствии иерусалимского патриарха Софрония, «поелику он (митрополит. — *К. П.*) надругался над божественными тайнами, дерзнув совершить литургию... и даже рукоположение диакона после того, как выпил скверной ракии»⁹². Зная состояние дел в Антиохийской Церкви того времени — отсутствие у патриархов эффективного аппарата подавления, безнаказанность епископов, располагавших поддержкой местной османской администрации и позволявших себе куда более вызывающие отступления от канонов, — можно удивиться низложению митрополита под таким «несерьезным», явно надуманным предлогом. Видимо, этот архиерей какими-то своими действиями вызвал опасения Иоакима Дау, заподозрившего его в попытках перехватить лидерство в триполийской региональной элите. Однако митрополит явно не успел набрать нужный вес, коль скоро так легко был свергнут, пусть даже это понадобилось подкрепить авторитетом сразу двух патриархов. После него на триполийскую кафедру был возведен митрополит Афанасий, умерший до конца 1594 г., как явствует из того же письма Мелетия. Прежний низложенный митрополит снова предьявлял претензии на триполийскую епархию, против чего возражал Мелетий Пигас⁹³.

Этой вполне, казалось бы, ясной картине противоречит многократно отмеченный в источниках факт, что триполийскую кафедру в этот период занимал упомянутый выше Анастасий аль-Марманити Ибн Муджалла, автор полемического послания к Папе Римскому. В заглавии одной из рукописей этого трактата, датированного, напомним, 1583 г., Анастасий поименован митрополитом Триполи, Тира, Сайды и Бейрута⁹⁴. В книге записей Сайданайского монастыря конца XVI в. ряд имущественных сделок засвидетельствован Анастасием, митрополитом Триполи, от 1.10.1591г. (в данном случае, правда, без указания своего престола) и от 24.09.1592 г.⁹⁵ Наконец, подпись Анастасия, митрополита Триполи

⁹¹ Павел. С. 188; *Karalevskij*. Col. 638.

⁹² Патриаршие документы... С. 271.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Шарун К. Ускуфийя ар-рум аль-касулик фи Байрут (Греко-католическое епископство Бейрута) // аль-Машрик. 1905. С. 197; *Nasrallah*. P. 38, 44.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 1608. № 129. Л. 6; № 37. Л. 9.

и Бейрута, стоит на грамоте антиохийского патриарха Иоакима к царю Федору Иоанновичу от апреля 1594 г.⁹⁶

Помимо всего прочего, известен колофон от 13 апреля 1586 г., написанный неким Михаилом, епископом Триполи и Куры, пребывавшим в тот момент в селении Амьюн «по делам патриарха Иоакима»⁹⁷. Ж. Насралла предполагает, что этот Михаил был официальным заместителем Иоакима Дау во время его почти трехлетнего отсутствия. Можно отождествить этого Михаила со священником Михаилом, сыном Фараджалла, сопровождавшим Дорофея Дау в Иерусалим в 1579 г.⁹⁸.

Как совместить эти противоречивые сведения? Возможен следующий вариант. Из-за вполне вероятной описки секретаря в упомянутом письме Мелетия Пигаса 1594 г. вместо имени Анастасий появился Афанасий. Следовательно, Анастасий ибн Муджалла аль-Марманити занял триполийский престол после Михаила, который был низложен Иоакимом вскоре по возвращении в Сирию (1587). Видимо, повторим, этот митрополит в отсутствие патриарха позволил себе какие-то действия, вызвавшие недовольство Иоакима Дау⁹⁹. В этом случае Анастасий умер между апрелем 1594 г. и концом того же года, а пышный титул Анастасия, возглавлявшего четыре митрополии, относится не к 1583 г., когда он составлял свой полемический трактат, а к более позднему времени, и был дописан в заглавие этого труда кем-то из последующих переписчиков.

Когда же Анастасий смог присоединить к своим владениям Бейрут? Есть искушение отождествить Анастасия, выходца из Марманиты, с упомянутым ранее бейрутским митрополитом Афанасием аль-Марманити, поставленным на кафедру Иоакимом ибн Джумой. Но этому допущению мешает цитированное ранее сообщение о кончине бейрутского митрополита Иоакима 17 мая 1592 г. В этом случае Анастасий ибн Муджалла мог занять бейрутский престол между маем 1592 (напомним, в сентябре 1592 г. он еще именуется просто «митрополит Триполи») и апрелем 1594 г.

Все расчеты «портит» еще один бейрутский митрополит — Иоаким, появляющийся в источниках 1 февраля 1594 г. и постоянно фигурирующий вплоть до 1610 г.¹⁰⁰ При этом Бейрутская хроника Михаила Трада не знает этого Иоакима, зато сообщает о возведении в бейрутские митрополиты *хури* (священника) Парфения из деревни Кусба патриархом Иоакимом ибн Зияде (1593–1604)¹⁰¹. К. Валбинер предполагает, что в патриархате имел место очередной раскол, и

⁹⁶ Там же. Ф. 52/2. № 6. Последняя публикация грамоты: *Панченко К. А., Фонкич Б. Л.* Грамота 1594 г. антиохийского патриарха Иоакима VI царю Федору Ивановичу // *Монфокоп. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике.* Т. 1. М.; СПб., 2007. С. 166–184.

⁹⁷ *Nasrallah.* P. 48.

⁹⁸ См. сноску 32.

⁹⁹ Аналогичная история произошла после возвращения из Москвы патриарха Макария аз-Заима в 1659 г., который тоже вскоре низложил своего заместителя эмесского митрополита Афанасия (*Павел.* Т. 5. С. 164–165).

¹⁰⁰ *Walbiner C.-M.* Die Bischofs- und Metropolitensitze des griechisch-orthodoxen Patriarchats von Antiochia von 1594 bis 1664 nach einigen zeitgenössischen Quellen. P. 115 / *Oriens Christianus.* Band 82. 1998. P. 99–152 (далее: *Walbiner.* Die Bischofs- und Metropolitensitze.).

¹⁰¹ *Трад.* С. 28; *Walbiner.* Die Bischofs- und Metropolitensitze. P. 116.

митрополит Иоаким (ок. 1594—ок. 1610) не был признан соименным ему патриархом.

Так или иначе, очевидно, что в правление Иоакима Дау выходцы из триполитского региона занимали прочнейшие позиции в Антиохийском патриархате. Анастасий аль-Марманити, ближайший сподвижник патриарха и интеллектуальный лидер православной Сирии, сосредоточил в своих руках власть над четырьмя престолом и, судя по его частому присутствию в Сайданайском монастыре под Дамаском, принимал непосредственное участие в управлении делами патриархии. Настоятельницей этого крупнейшего в Сирии монастыря была в те годы инокиня Марфа, дочь хаджи Саада из селения Балат области аль-Хусн (территория между Хомсом и побережьем, включавшая в себя, в частности, Марманиту)¹⁰². Монах 'Иса, «ученик», как он себя называл, патриарха Иоакима и спутник его по путешествиям в Иерусалим и Московию, был возведен в митрополиты Хамы¹⁰³. У нас нет прямых указаний на его происхождение, но очевидно, что те шесть человек, которые сопровождали патриарха Иоакима в его долгой поездке по Восточной Европе, были его ближайшими и доверенными сподвижниками и, более чем вероятно, земляками¹⁰⁴.

10. Патриарх Иоаким ибн Зияде

Ведущие позиции Анастасий ибн Муджалла удержал и при следующем патриархе — Иоакиме ибн Зияде (1593—1604). Иоаким был избран на престол после года междупатриаршества, сопровождавшегося, видимо, активным соперничеством за власть различных региональных группировок. Сам новый патриарх был во многом компромиссной фигурой — уроженец деревни Сиснийя в округе аль-Хусн, почти земляк Иоакима Дау и Анастасия аль-Марманити, он, в то же время, 18 лет занимал кафедру митрополита Эмеса (Хомса), т. е. в меньшей степени был связан с триполитской элитой. Однако и Хомс входил в состав Триполитского пашалыка, так что Юсуф Сайфа, с подачи своих христианских советников, мог приложить руку к победе эмесского митрополита. Возможным указанием на региональные симпатии патриарха может служить одно его весьма нетривиальное кадровое решение. После смерти халебского митрополита в 1599 г. Иоаким не рукоположил на его место нового человека, а перевел на богатую халебскую кафедру Симеона, епископа Мармариты. Даже скупые на слова хронисты не преминули отметить, что это было сделано вопреки воле жителей Халеба¹⁰⁵.

Иоаким держал бразды правления не очень твердо. Из письма к нему Мелетия Пигаса от 10 апреля 1595 г. видно, что антиохийский патриарх почти не контролировал своих архиереев, многие из которых добивались рукоположе-

¹⁰² РГАДА. Ф. 1608. № 129. Л. 1,5,6,9; *Панченко К. А.* Монастыри в православном Антиохийском патриархате XVI — нач. XIX в. С. 92, 94 // *Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение.* 2004. № 4. С. 89—113.

¹⁰³ См. об этом персонаже: *Панченко К. А.* Митрополит 'Иса и первое арабское описание Московии // *Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение.* 2007. № 4. С. 87—95.

¹⁰⁴ Коль скоро Анастасий ибн Муджалла стал епископом уже после возвращения Иоакима из Москвы, не исключено, что и он был одним из спутников патриарха в этой поездке, хотя никаких прямых доказательств такой гипотезы нет.

¹⁰⁵ *Nasrallah.* P. 53.

ния при помощи давления мирян или даже мусульманской власти. Может быть, Мелетий имел в виду Анастасия аль-Марманити (если отклонить датировку его смерти 1594 г.), когда писал: «Я слышу, что там архиереи похищают престолы и вместо одного законного занимают [их] незаконно двое или трое... и сие чего ради? Вследствие любостязания, которое есть сребролюбие...» Ссылаясь на апостольское правило о запрете перехода епископа из одной епархии в другую, Мелетий писал: «Вы же и свою епархию занимаете и в чужие вторгаетесь. Что же те, которые по дерзости рукополагают вне своей епархии?» Укоряя патриарха Иоакима за невмешательство, Мелетий Пигас упоминал: «...некоторые говорят, что противозаконники причинили тебе много ущерба; но да будут отлучены и не прощаемы от Бога Вседержителя...»¹⁰⁶.

В ходе смут периода Иоакима VI в Антиохийском патриархате происходила постепенная перегруппировка центров силы. Если в последней четверти века там доминировала христианская элита Триполи (в союзе с Дамаском), то к началу XVII в. триполийцы утратили многие рычаги влияния.

Впрочем, внешне триполийская община продолжала процветать, лучшим примером чему служит основание в сентябре 1602 г. триполийским митрополитом Иоахимом, при поддержке бейрутского митрополита Иоакима и влиятельного православного шейха Сулеймана аль-Язиджи, Баламандского монастыря. Историки особо подчеркивают роль Сулеймана аль-Язиджи, секретаря триполийского *вали* (губернатора) Юсуфа Сайфа. Юсуф паша, при посредстве Сулеймана, санкционировал постройку монастыря и преобразовал статус окружающих земельных угодий из *тимара* (условные держания, предоставляемые феодалам за несение военной службы) в *вакф* (необлагаемое налогами имущество, предназначенное на благотворительные цели, в частности функционирование религиозных учреждений). Сулейман, напомним, и был тем человеком, кто пожаловал монастырю Библию Пимена Дамасского. Расположенный к юго-востоку от города, на развалинах цистерианского аббатства эпохи крестовых походов, Дейр аль-Баламанд не только превзошел своими размерами, богатством, числом иноков множество мелких православных монастырей в окрестностях Триполи, но и сравнялся с крупнейшими монастырями патриархата — Сайданайским и св. Георгия под Хомсом. Первым настоятелем обители стал хури Макариус ад-Дейрани (происходил из деревни Дарайя в Северном Ливане), до того бывший игуменом монастыря Кафтун, неподалеку от Триполи¹⁰⁷. Триполийская элита особо покровительствовала Баламандскому монастырю, вкладывала туда вакфы. Акты монастыря сохранили имена христианских старейшин, первых ктиторов Баламанда: шейх Абу Салих, упомянутый шейх Сулейман, нотабли деревни Фиа хадж Фархат и хадж Бутрус. В списке донаторов стоит и *Юсуф баша*, имеется в виду, несомненно, губернатор Триполи¹⁰⁸.

Однако положение «Триполийского гнезда» в этот период заметно пошатнулось, вместе с положением правившего в городе клана Сайфа.

(Окончание следует)

¹⁰⁶ Патриаршие документы... С. 280—282.

¹⁰⁷ *Walbiner*. Die Bischofs- und Metropolitensitze. P. 136—137.

¹⁰⁸ *Slim S. Balamand. Histoire et patrimoine*. Beyrouth, 1995. P. 23—26.

Ключевые слова: православный Восток, XVI век, Антиохийский патриархат, православная элита Триполи, духовные и светские лидеры.

THE NEST OF TRIPOLIS

THE ORTHODOX COMMUNITY OF TRIPOLIS (LEBANON) IN THE CULTURAL
AND POLITICAL LIFE OF THE PATRIARCHATE OF ANTIOCH IN THE 16TH
AND THE FIRST HALF OF THE 17TH CENTURIES

K. A. PANCHENKO

The article purports to reconstruct the internal historical development of the Orthodox Patriarchate of Antioch in the 16th century. The course of its history was determined by rivalry between regional Christian elites. Alongside the major Syrian Christian communities of Damascus and Aleppo, a notable place in the ecclesiastical life of the 16th century Syria was occupied by the secular and spiritual leaders of Tripolis, who came to be virtually neglected by later chroniclers and scholars. The author makes an attempt to single out the leading representatives of the Orthodox elite in the Tripolis region and demonstrate their role in the political and cultural life of the Orthodox Arabs of the epoch.

Keywords: Orthodox East, the 16th century, the Patriarchate of Antioch, the Orthodox elite of Tripolis, spiritual and secular leaders.